

П. И. Гребенников¹

докт. экон. наук, профессор кафедры экономической теории Санкт-Петербургского филиала Государственного университета — Высшая школа экономики

ОТ ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА К ЦИВИЛИЗОВАННОМУ КРЕДИТУ

Установив, что одной из существенных характеристик рыночного хозяйства является его циклическое развитие, экономическая наука, похоже, сама заразилась циклическостью: примерно через 30—40 лет среди экономистов раздаются голоса о кризисе их творения. Позволю себе обратить внимание коллег на медиков: несмотря на ежегодно повторяющиеся всемирные эпидемии гриппа и большое количество неизлечимых сегодня болезней, они не посыпают голову пеплом. Все-таки прародители основателей экономической науки — Уильям Петти и Франсуа Кенэ — были выдающимися лекарями государей Англии и Франции.

Мировой финансовый кризис 2007—2008 гг. в очередной раз вызвал волну критики современной экономической теории денег и кредита. На ее гребне оказались последователи австрийской экономической школы (в дальнейшем для краткости — «австрийцы»). Заслуги австрийской школы в становлении современной экономической теории трудно переоценить. Ее представители обратили внимание на то, что развитие экономической науки сильнее изменило человеческое мышление, чем любая другая научная теория; она понизила престиж завоевателей и экспроприаторов, показав пользу деловой активности для общества. «Австрийцы» указали на универсальный характер открытых классической школой экономических законов и плодотворность применения методологического индивидуализма при анализе становления и развития социальных феноменов. Если неоклассики сосредоточились на совершенствовании методов экономического анализа, обращая особое внимание на научной строгости доказательств и на описании экономических процессов в виде математических моделей, то австрийская школа заложила основы «экономического империализма», распространяющего экономический образ мышления и на другие науки об обществе. Учитывая ту роль, которую экономическая теория играет в формировании типа гражданина, не является преувеличением следующее утверждение Людвиг фон Мизеса: «Все разумные люди должны ознакомиться с учениями экономической теории. В нашу эпоху в этом заключается главный гражданский долг» (Мизес, 2005, с. 811).

Основной из главных заслуг австрийской школы является научное обоснование естественности и незаменимости рынка в жизни общества. Объективная рассредоточенность информации, используемой в ходе взаимовыгодного сотрудничества членов общества, не позволяет осуществиться мечте социалистов о плановом общественном хозяйстве. «Австрийцы» не просто предсказали крах

---

¹ Эл. адрес: petrgrebennikov@gmail.com

реального социализма, а конкретно назвали причины, по которым это должно было произойти и произошло. Не меньшая их заслуга состоит и в том, что они не ограничились критикой общественного устройства в странах социалистического лагеря, но так же резко выступали против экспансии государственного регулирования в западных странах в ходе формирования там «государств всеобщего благоденствия». «Австрийцы» призывали западные правительства не идти «по дороге в рабство», казалось бы, в самое не подходящее для этого время: в периоды восстановления экономик после Великой депрессии и Второй мировой войны, когда почти все экономисты были очарованы кейнсианством. Они предупреждали: легко расширить функции государства, но трудно потом их сократить; история подтвердила обоснованность этих опасений. Не случайно современный всплеск популярности учений австрийской школы относится к 1970-м гг., когда роль государства в западных экономиках достигла уже неприличных размеров и появилась благоприятная почва для тэтчеризма и рейгономики.

«Австрийцы», несомненно, внесли большой вклад в создание экономической науки и ее воздействие на реальную экономику. Однако восторги современных последователей Л. Мизеса и Ф. Хайека по поводу того, что они якобы нашли тайное пристанище социализма под вывеской «Центральный банк», явно преувеличены. Не будем сейчас рассматривать экстремальную концепцию «частных денег» Хайека, а проанализируем более скромные предложения «австрийцев» по изменению современных денежно-кредитных отношений.

Прежде всего, предлагается перейти к 100%-ному резервированию банковских вкладов, т. е. вернуться в XV в. Но не государство же ввело частичное резервирование. Оно возникло на основе взаимовыгодной сделки между вкладчиками и банкирами: первые добровольно согласились хранить деньги в банках с частичным резервированием за возможность получать проценты. Если бы автомобили были совершенно одинаковы и их потребительские свойства не зависели от характера и срока эксплуатации, то платные автостоянки из-за возможности извлечения дополнительной прибыли превратились бы в лизинговые кооперативы с числом пользователей, превышающим число имеющихся автомобилей. Но поскольку автомобили не являются совершенными субститутами, то предпринимательская инициатива проявляется в виде предоставления желающим временно свободных мест и в результате число пользователей автостоянкой превышает число мест на ней.

Возникновение коммерческих банков связывают с превращением меняльных лавок (пунктов обмена межрегиональных валют) в камеры хранения денег. Наиболее подробно этот процесс описан историками итальянских банков XV в. Поскольку в то время закон запрещал взимание процентов (влияние средневекового церковного догмата о том, что займы нужно давать, ничего от этого не ожидая), то вклады были беспроцентными. При этом, как отмечают историки (см., напр., Nasse, 1880, S. 335—336), клиенты банков ничего не платили за хранение своих вкладов, молчаливо предоставляя банкиру право временно их использовать в коммерческих операциях, хотя законодательство запрещало такую практику. Однако власти сами активно занимали деньги у банкиров, заменяя тем самым металлическое обеспечение вкладов государственным долгом. Как следствие, банкноты стали признаваться законным платежным средством наряду с металлическими деньгами. Со временем, по мере увеличения числа банков, государство стало признавать в качестве законных платежных средств банкноты лишь некоторых наиболее крупных банков, которые стали называться эмиссионными в противоположность прочим — коммерческим банкам. Первые могли дополнять металлические деньги бумажными, вторые — как будто бы нет. Но скоро обнаружилось, что роль платежных средств могут выполнять не толь-

ко банкноты, но и векселя неэмиссионных банков. В истории развития банковской системы XIX век знаменателен тем, что в Европе коммерческие банки вышли победителями в конкуренции с эмиссионными банками на денежном (кредитном) рынке. Кредитование бизнеса почти полностью оказалось в руках коммерческих банков, деятельность которых была менее регламентирована по сравнению с государственными или сильно зависящими от государства эмиссионными банками. Клиентами эмиссионных банков на кредитном рынке оказались лишь сами коммерческие банки. Так, без какого бы то ни было нажима властей, эмиссионные банки фактически превратились в «банки банков», в кредиторов последней инстанции. В ходе такого разделения труда в сфере денежно-кредитных отношений за эмиссионными банками сохранилась функция кассиров государственного казначейства (Минфина). На конъюнктуру денежного рынка эмиссионные банки теперь стали влиять посредством изменения банковских резервов и операций по исполнению государственных бюджетов. Свою возможность создавать бумажные деньги (хотя и основанные на драгоценных металлах) коммерческие банки стали широко использовать, удовлетворяя быстро растущие потребности в кредите для реализации достижений Первой промышленной революции. Эти изменения в денежно-кредитных отношениях нашли отражение в новой количественной теории денег Ирвинга Фишера, которая наряду с банкнотами, в разной степени обеспеченными золотом, учитывала векселя, чеки, варранты и прочие финансовые инструменты коммерческих банков. Более того, к началу XX в. после публикации в 1898 г. книги Кнута Викселля «Процент на капитал и цена товаров» наряду с количественной теорией денег рассматривалась «кейнсианская» концепция спроса на деньги, связывающая спрос на деньги не только с величиной ВВП, но и ставкой процента. Так, в монографии М. И. Тугана-Барановского «Бумажные деньги и металл» отмечается, что количество денег в стране зависит от изменения: 1) общественного спроса на товары; 2) дисконтного процента (Туган-Барановский, 1917, с. 29).

Поскольку каждый коммерческий банк старался побольше заработать до того, как будет превзойден никому не известный предел минимальных резервов, то на рубеже XIX и XX вв. массовые крахи банков стали главной макроэкономической проблемой того времени. Но и замена телеграфа Интернетом наряду с удовольствием тоже принесла неприятности: при телеграфе в наши базы данных без разрешения не забирались. Вместо возврата к телеграфу люди догадались создавать антихакерские средства. Как будто бы в ответ на призыв Л. Мизеса: «желательно было бы положить конец искусственному расширению циркуляции средств обращения» (Mises, 1913, S. 576) — в 1914 г. в качестве кардинального средства преодоления краха коммерческих банков была создана Федеральная резервная система США — прообраз современной двухуровневой банковской системы в большинстве современных развитых экономик. Ее создание лишь официально закрепило уже существовавшую систему сберегательно-инвестиционных отношений на основе частичного резервирования, сделав ее более определенной и прозрачной, что особенно важно в кредитной сфере. Нет никаких оснований рассматривать это как шаг к социализму. Социалисты (коммунисты) стремились не к укреплению денежной системы, а к ее уничтожению. Необходимость привлечения государства к упорядочению денежно-кредитных отношений к началу XX в. вытекала из научного обобщения их исторического развития. В упомянутой работе о деньгах М. И. Туган-Барановский обосновывал это так: «До сих пор государственная власть почти не ставила себе задачей планомерно влиять на ценность денег. То же, правда, нужно сказать и относительно ценности товаров. Однако между этими двумя областями хозяйственной

жизни — ценностью товаров и ценностью денег — имеется глубокое, принципиальное различие: ценность товаров строится на основе сознательных расценок отдельных индивидов, чем государство управлять не может; напротив, ценность денег есть бессознательный стихийный продукт социального взаимодействия, вполне допускающего государственное регулирование. А так как денежное обращение всех важнейших европейских государств в настоящее время глубоко расстроено войной, то для экономической науки выдвигается на первый план новая задача огромной практической важности — «выработать основы рациональной денежной политики» (Туган-Барановский, 1917, с. 51—52).

Требование 100%-ного резервирования банковских вкладов по существу исключает из процесса нащупывания оптимальной для каждого текущего периода нормы сбережений (объема инвестирования) наиболее опытных и компетентных специалистов-финансистов. Передавать собственникам банковских депозитов право определять объемы и сроки инвестирования имело бы смысл, если бы они лучше банкиров могли знать, какая внутренняя доходность инвестиционного проекта делает его «надежным»; пока это не так.

Однако «вредительство», совершенное, по мнению «австрийцев», в XX в. в денежно-кредитной сфере, не ограничивается нарушением принципа 100%-го резервирования. В 1971 г. завершился демонтаж многовековой основы денежных систем — ее «золотого стандарта». Теперь не только граждане, но и центральные банки не могут обменять национальные банкноты на золото, кроме как посредством его покупки по рыночной цене. «Австрийцы» предлагают функцию определения необходимого стране количества денег, нужного для возвращения золотодобытчикам и золотовладельцам, которые якобы не будут или не смогут злоупотреблять своими возможностями. «Блажен, кто верует», — говорится в таких случаях. По волатильности и спекулятивной составляющей цена золота ненамного отличается от цены нефти. Почему дефляцию 1870—1880 гг., возникшую вследствие отставания темпов роста добычи золота от темпов роста экономик США и Европы, и сменившую ее в следующем десятилетии инфляцию в результате открытия новых месторождений золота на Аляске и в Южной Африке нужно признавать нормальными явлениями рыночной экономики, а инфляцию в Евросоюзе и дефляцию в Японии в конце XX в. при отсутствии золотого стандарта рассматривать как недопустимые промахи монетаристской политики государств? Не золотой стандарт сам по себе ограничивает возможности внутренней денежной политики государств, а фиксированный валютный курс, который может существовать и без золотого стандарта. Надежды «австрийцев» на то, что золотой стандарт автоматически выровняет платежные балансы стран и устранил кризисы в мировой торговле, практикой не подтверждаются. И при золотом стандарте страны умудрялись проводить политику «разори соседа» (*beggar-thy-neighbour policies*). Ричард Никсон «захлопнул золотое окно» не из-за того, что Бреттон—Вудская система мешала ФРС проводить в 1960-е гг. стимулирующую денежную политику, а потому, что европейские союзники, накопив положительный торговый баланс за счет его дефицита у США, не захотели осуществить предусмотренную в этой ситуации Бреттон-Вудской системой корректировку своих национальных валют.

Обосновывается целесообразность золотого стандарта просто: чтобы деньги имели ценность, они должны быть редки; запасы золота в мире не очень велики, и объем их меняется медленно; следовательно, количество денег, соответствующее запасам золота, — наилучшее правило предложения денег. Но не менее убедительным представляется утверждение, что количество находящихся в обращении денег должно соответствовать количеству всех товаров и услуг, производимых в национальном хозяйстве. Даже при использовании золота в качестве

денег, увеличение его производства сопровождается ростом уровня цен не столько из-за того, что увеличивается отношение ценности имеющегося золота к ценности всех других товаров, сколько вследствие повышения общей экономической активности, точно так же, как это происходит при увеличении производства черных металлов, нефти, средств связи и прочих факторов производства. Одно из наиболее точных определений денег звучит так: деньги — это то, что люди признают деньгами, т. е. во что они верят, чему доверяют. Когда-то они больше всего доверяли золоту. Есть много причин сомневаться в том, что и сегодня это так. Во второй половине XIX в. английский фунт стерлингов успешно выполнял роль мировой валюты, несмотря на то что в соответствии с банковским пактом Пилия 1844 г. объем эмиссии банкнот Английского банка намного мог превышать его запасы золота, а во время экономических кризисов, случившихся через каждые 10—11 лет, размен банкнот на золото вообще не осуществлялся.

Как отмечает Л. фон Мизес, «в понятии денег уже заключены все теоремы денежной теории» (Мизес, 2005, с. 40). Чувствуя, что выступление против современных кредитных («австрийцы» предпочитают слово «фидуциарных», но латинские *fiducia* и *credo* означают одно и то же: уверенность или доверие) денег снижает эффективность функционирования рынка финансов, «австрийцы» пытаются отделить деньги от кредита; мол, кредит существовал и до возникновения денег. Но и освещение существовало до изобретения электричества. С момента возникновения товарных денег, когда продавцы за свои товары соглашались принимать звериные шкуры или слитки золота, они предоставляли обществу кредит: верили, что со временем, когда им потребуется, они смогут получить нужный товар за возврат не нужной им шкуры или слитка. Слиток золота выполнял ту же функцию, что и современный чек. Он представлял долг общества (часто достаточно аморфного) владельцу слитка; банкнота представляет долг государства как представителя общества владельцу банкноты. В обоих случаях деньги свидетельствуют о том, что общество должно их владельцу определенное количество универсальной (всеми признаваемой) ценности. Суть денежных отношений целиком и полностью сводится к кредитным отношениям. Не важно, сколько времени проходит от момента предоставления кредита до его возврата. В супермаркете покупатель предоставляет беспроцентный кредит, оплачивая в кассу цену товара, который он через некоторое время получит. Рестораны предоставляют посетителям свою продукцию в долг, который возвращается в денежной форме иногда через несколько часов.

Качество денег определяется не их формой, а тем, в какой мере они гарантируют возвратность и сохранность долга общества. Может ли современное государство создать условия, при которых бумажные или электронные деньги, не основанные на золоте или другом отдельном товаре, успешно выполняли бы эту функцию? Столетний опыт денежно-кредитных отношений при двухуровневой банковской системе и его научное обобщение позволяют положительно ответить на этот вопрос. В настоящее время центральные банки, как и граждане, при желании могут свои валютные резервы хранить в виде золотых слитков, но предпочитают евро и доллары. В последнем двадцатилетии XX в. количество долларов в обращении более чем утроилось и во столько же раз доллар подорожал по отношению к золоту. Даже последний мировой финансовый кризис, который, как все дружно утверждают, бывает раз в 100 лет, не смог вернуть золото на место государственного долга США как основы доллара, хотя размер долга достиг угрожающих размеров. Если у электронной почты, кроме вирусов и спама, появятся какие-то новые неприятности, то вряд ли человечество вернется к телеграфу, скорее оно займется совершенствованием этой удобной формы связи.

Происшедшее в последнем столетии вымывание из денег элемента товарности не ослабляет, а укрепляет их функциональные свойства. Ценность товарных денег формируется одновременно на двух рынках: товара (драгоценных металлов) и денег (средств платежа). Даже в периоды относительной стабильности конъюнктуры на рынках драгоценных металлов ценность товарных денег может сильно колебаться в результате изменения спроса и предложения на рынке кредита вследствие всплесков экономической активности. Именно поэтому самый авторитетный сторонник «золотого стандарта» Давид Рикардо предлагал полностью перейти от товарных (металлических) денег к неразменным бумажным деньгам в качестве наиболее эффективного способа стабилизации их ценности. «Преимущество бумажно-денежного обращения, если оно установлено на правильных началах, состоит в том, что добавочное количество бумажных денег может быть быстро введено в обращение, не вызывая какого-нибудь изменения в ценности всех обращающихся денег по сравнению со слитками или каким-нибудь другим товаром. При системе же металлического обращения добавочное количество денег не может быть введено в обращение так быстро; когда же оно в конце концов налицо, то ценность всех находящихся в обращении денег, а также и слитков, уже повышена» (Рикардо, 1955, с. 187). Суть «золотого стандарта» в понимании Д. Рикардо состоит в том, чтобы ценность неразменной на золото банкноты постоянно равнялась ценности представляемого ею золота: 1 унция золота = 3 ф. ст. 17 шилл. 10,5 пенса. Но это не директивная цена. Английский банк должен был обеспечить ее посредством соответствующего поддержания количества банкнот на денежном рынке и количества золота на рынке этого металла.

«Золотой стандарт» Д. Рикардо — это первый шаг на историческом пути освобождения денег от их товарной сущности. Ведущим экономическим странам пришлось наконец-то его сделать после первой мировой войны. Тень «золотого стандарта» сегодня сохранилась в ряде небольших стран в виде политики «*currency board*», при которой количество денег в обращении определяется золотовалютными резервами. Р. Никсон в 1971 г. подтолкнул западные страны к второму шагу, необходимость которого Д. Рикардо пророчески предсказал за полтора столетия. «Введение драгоценных металлов в качестве денег можно поистине рассматривать как один из наиболее важных шагов в деле усовершенствования торговли и ремесел цивилизованной жизни; но не менее верно также, что с развитием знания и науки мы делаем новое открытие: изгнание драгоценных металлов из той области, где они использовались с такой выгодой в течение менее просвещенного периода, является дальнейшим усовершенствованием» (Рикардо, 1955, с. 193). По времени окончательный переход от товарных к кредитным деньгам совпал с превращением инфляции в неотъемлемый элемент экономического развития. Но это не потому, что денежные власти не в силах сегодня обеспечить стабильность ценности кредитных денег. Примеров успешной борьбы как с гиперинфляцией, так и с галопирующей инфляцией после 1971 г. немало: в Израиле в июне 1985 г. инфляция в годовом исчислении составляла 500%, а через 3 месяца только 20%; в Югославии в 1989 г. она исчислялась 1200%, а в 1990 г. 2%; в Аргентине в период 1989—1994 гг. инфляцию удалось снизить с 5000% до 4%; в Польше в январе 1990 г. 79%, в феврале 4%, в апреле 4%; в США за 1979 г. ИПЦ составил 14%, в 1982 г. 4% при постепенном снижении в последующие годы; примером перманентного успешного таргетирования инфляции может служить ФРГ вплоть до введения евро. Переход от товарных к кредитным деньгам расширил возможности центральных банков в регулировании ценности денег за счет изменения промежуточных целей денежно-кредитной политики в зависимости от конъюнктуры на кредитном и валютном рынках. В странах «большой восьмерки», за исключением России, двухзначных темпов инфляции нет; но

России при ее методах экономического управления и стопроцентный платиновый стандарт не поможет. Проблема не в том, как при кредитных деньгах предотвратить обесценивание денег; более оживленно дискутируется вопрос: что лучше — 3% инфляции и 3% роста ВВП или отсутствие инфляции при отсутствии экономического роста.

Кредитные деньги не освобождают рыночную экономику от циклического развития (странно ожидать от них такого чуда), но на их основе человечество за последние 50 лет добилось невиданных ранее экономических успехов. Были и инфляции, и глубокие кризисы, но реальные доходы все увеличивающихся жителей земли росли так, как никогда в предшествовавшие периоды. Конечно, такой рост обеспечен открытием и внедрением новых технологий, но их успешной и скорой реализации во многом содействовала современная финансовая система, доставлявшая необходимые средства. Из напоминания о том, что нельзя экономические успехи периода использования кредитных денег приписывать только им, следует, что и в случившихся кризисах не только они повинны. В 1990-х гг. революционные изменения происходили не только в реальном секторе экономики, но и в финансовой сфере. В процессах формирования и трансформации сбережений в инвестиции банковская система была сильно потеснена фондовыми рынками, обороты которых возросли в мире более чем в 100 раз. Поскольку сегодня населению развитых стран для скромного существования достаточно и 30% их доходов, то возникли благоприятные возможности ускоренного роста инвестиций во всех направлениях, включая венчурные (совокупная доля сельского хозяйства, включая лесное и рыболовство, строительства, промышленности и энергетики в ВВП США и Евросоюза меньше 30%, и столько же составляет доля финансовых услуг и консалтинга). Число участников спекуляций на рынках ценных бумаг быстро увеличивалось. Их уверенность в преимуществах инвестирования на фондовом и валютном рынках подогревалась не только агитацией биржевых агентов, но и длительным ростом индексов мировых бирж. Американские экономисты Уильям Боннер и Эддисон Уиггин (Боннер, Уиггин, 2005) приводят расчеты того, как в период с 1970 по 1990 г. можно было увеличить вложения на рынке финансов в 27 раз, принимая правильные решения о структуре портфеля лишь в первый день каждого десятилетия и занимаемая в остальные дни «длинную позицию», т. е. место на пляжах Майорки или Багам. Вслед за Джорджем Соросом и Уорреном Баффетом на рынок финансов ринулись «люмпенинвесторы», не только не знающие, но и не пытающиеся узнать, как он функционирует. Неудивительно, что в таких условиях на финансовом рынке раздувались и лопались «пузыри»; тем не менее число желающих поиграть на рынке акций быстро восстанавливалось и увеличивалось. Вслед за хлопками и взрывами на финансовом рынке число банкротств в реальном секторе и безработица превышали естественные нормы. Но «Windows», «MatLAB» и прочие прелести остались и останутся надолго в доме каждого желающего. Да и безработный от голода сегодня может умереть только при очень большом желании. «Кризис — это созидательное разрушение», — провозгласил близкий «австрийцам» Йозеф Шумпетер.

Надувание и схлопывание финансовых пузырей — это современный способ венчурного инвестирования. Если он вам не нравится, придумайте что-то лучшее; только не надейтесь на неповоротливый золотой стандарт. Получил бы Сергей Брин под свою рискованную идею чек на 100 тыс. долл. от Энди Бехтольсхайма, одного из основателей компании Sun Microsystems, при не надутым финансовом пузыре? Возможно, но с меньшей вероятностью.

Благодаря тому что мощностное последнее взрыва на финансовом рынке была такой, какая бывает «лишь раз в 100 лет», необходимость заняться урегулиро-

ванием рынка современных ценных бумаг получила общественное признание, подобно тому, как это случилось после Великой депрессии 30-х годов прошлого века с банковской системой. До этого призывы отдельных ученых и успешных финансистов-практиков заглушались восторженным шумом толпы «люмпенинвесторов». Такие афоризмы, как «Все, чем можно управлять, обречено стать жертвой плохого управления», могут претендовать на остроумие, но очень несвоевременны.

То, что неожиданность и глубина экономического кризиса 2007—2008 гг. связаны с многообразием неизвестных в недавнем прошлом финансовых инструментов, признается всеми. Чаще всего указывают на рынок деривативов — недавно появившийся сегмент рынка капитала. Более конкретно вину за текущий кризис возлагают на один из внебиржевых финансовых инструментов — CDS (*credit default swap*). Они появились 2—3 десятилетия, назад и к 2008 г. их объем в ценностном выражении превысил мировой ВВП более чем в 10 раз. При выяснении того, что же делает CDS такими привлекательными, оказывается все очень просто. Допустим, вы рискнули дать кому-то солидную сумму в долг. Чтобы после этого спать спокойно, вы можете договориться, например, с «Дойче банком» о том, что он гарантирует возврат долга за определенную плату сразу или в рассрочку (обычно в рассрочку). Отечественные бизнесмены 90-х гг. скажут вам, что эту проблему они решали аналогично, но посредством «крыши». Нет сомнений в том, что при выборе между CDS и «крышей» в цивилизованном обществе предпочтение будет отдано первому из этих инструментов страхования рисков, без отказа от дальнейшего совершенствования условий его использования. «Крыша» может обеспечить возврат кредита, но для стабилизации ценности денег во времени кроме предпринимательской активности требуется эффективная экономическая политика государства.

Видеть в современных финансовых инструментах виновников финансовых пузырей не более серьезно, чем расследование бывшего главного редактора журнала *Financial World Magazine* Дугласа Макинтайра о том, кто же конкретно был виновником ипотечного кризиса 2007 г.; в соответствии с опубликованными в февральском номере журнала «*The Time*» за 2009 г. результатами этого исследования им оказался житель города Стоктона в Калифорнии, который в 2003 г. купил дом по так называемой высокорискованной ипотеке (*subprime*), а спустя 39 месяцев потерял работу и вскоре объявил себя банкротом. Чтобы на современном финансовом рынке был больший порядок, помогающий многочисленной армии инвесторов принимать рациональные решения, не нужно возвращаться к условиям хозяйствования 200-летней давности. Лучше совершенствовать «правила игры», для принятия и поддержания которых без государства и, более того, без межгосударственного сотрудничества не обойтись.

Для тех, кто склонен обвинять в чрезмерном разрастании рынка ценных бумаг и, в частности, ипотечного кредитования бывшего главу ФРС Алена Гринспена, забросавшего весь мир долларами, могу напомнить, что в середине XVII в. «деятельность английских частных банкиров — золотых дел мастеров вызвала постоянные нападки со стороны современников. Противники их утверждали, что в погоне за высокими процентами и быстрой наживой они мало интересуются солидностью своих заемщиков, дают свои деньги недостаточно серьезным клиентам и ввиду этого часто несут большие потери. Это, в свою очередь, приводит к частым банкротствам золотых дел мастеров и ставит под угрозу депонированные у них публикой деньги. Так к концу XVII в. была подготовлена почва для возникновения Английского Банка, старейшего из существующих в настоящее время эмиссионных банков» (Каценеленбаум, 1927, с. 296—297).

У Людвиг фон Мизеса есть такое высказывание о государстве: «По сути государство является институтом, предназначением которого является сохранение миролюбивых отношений между людьми» (Мизес, 2005, с. 141). Что же для этого нужно делать государству, кроме установления «правил игры» и наблюдения за их соблюдением?

Прежде всего, государству приходится осуществлять определенное перераспределение распределенных рынком доходов, чтобы не допустить их чрезмерной дифференциации. Частная благотворительность полностью решить эту задачу не может. Как при этом не перескочить на построение «государства всеобщего благоденствия» — вопрос отдельный. Но этим минимум государственных забот не ограничивается. Для сохранения миролюбивых отношений между людьми нужно поддерживать и постоянно наращивать доверие между экономическими агентами, т. е. совершенствовать кредитно-денежную систему. Функция создания денег должна быть закреплена за цивилизованным государством по той же причине, по какой на него возложено поддержание правопорядка; первое есть продолжение второго. Бывает, что правительства злоупотребляют возможностью регулирования количества денег в обращении, искусственно порождая экономические циклы. Но и злоупотребления органами правопорядка встречаются. Часто указывают на то, что современная поддерживаемая государством кредитно-денежная система — это финансовая пирамида. Частичное резервирование действительно лежит в основе финансовых пирамид. Однако возможности и последствия использования этого элемента кредитных отношений неодинаковы в частных руках и руках государства.

Следование спадов в реальном секторе экономики за потрясениями на финансовом рынке не означает, что их причиной является современная денежная система. Первый исследователь экономических циклов Клемент Жюгляр уже 200 лет назад отмечал, что кризисы начинаются с денежного рынка. Поскольку результаты инвестиционных решений, как успешных, так и ошибочных, прежде всего проявляются на рынке капитала, то при любой причине кризиса показатели конъюнктуры на денежном рынке выступают в роли опережающих индикаторов.

Подведем итоги. «Австрийцы» правы и заслуживают всяческой поддержки, когда предупреждают об опасностях огосударствления экономики в самых различных формах. Но суть кредитно-денежных отношений такова, что для их организации лучше привлечь государство, чем полагаться только на частный сектор и благородный металл. В конце прошлого века очень полезную работу по анализу сути современного государства проделали неoinституционалисты. Они, как и «австрийцы», обратили внимание на то, что Дж. М. Кейнс, обосновывая необходимость проведения в современных условиях государственной стабилизационной политики, молча исходил из того, «что политическая власть вручена группе моральных суперличностей, чье поведение может быть описано как соответствующим образом ограниченная функция общественного благосостояния» (Бреннан, Бьюкенен, 2005). Создатели теории общественного выбора убедительно доказали, что это было в далеком прошлом, если вообще когда-то было. Сегодня государственная бюрократия преследует такие же земные цели, как и бизнес. Джордж Стиглер на основе изучения практики государственного регулирования в США пришел к выводу о срастании органов регулирования с регулируемыми объектами.

Казалось бы, «австрийцы» должны радоваться: государство растворилось в частном бизнесе. Нет, конечно, оснований причислять «австрийцев» к экономическим анархистам, но их призыв к реконструкции исторически отживших форм денежно-кредитных отношений представляется не лучшим средством ре-

шения проблем, проистекающих из чрезмерного проникновения государства в экономику. Более реалистична надежда неoinституционалистов на то, «что мы сможем как участники в продолжающемся академическом диалоге и, в конечном счете, как граждане *улучшить* правила игры, в которую мы играем» (Бреннан, Бьюкенен, 2005, с. 16). Она подкрепляется тем, что организация денежно-кредитных отношений относится к функциям не «государства-производителя», а «государства-защитника».

Пытаясь распространить обоснование невозможности существования эффективного централизованно управляемого национального хозяйства на любое участие государства в экономике, «австрийцы» игнорируют, с одной стороны, исторический процесс усложнения социально-экономических отношений, с другой — достижения экономической науки и их плодотворное применение на практике. В результате современные последователи австрийской школы предстают экономическими нигилистами, полагающими, что «не в силах человеческих заранее принимать неоклассические решения о размещении ресурсов в соответствии с ожидаемыми издержками и выгодами» (Уэрта де Сото, 2007, с. 10). Более того, экономическая наука «не может ничего знать о завтрашних событиях, потому что они зависят главным образом от знаний и информации, которые предпринимательски еще не порождены, а потому и узнать их еще невозможно» (Уэрта де Сото, 2007, с. 19). А главное, будь они доступны, их «можно было бы в равной мере использовать для обеих целей: как для переустройства общества с помощью принуждения (типичная для социализма и интервенционизма социальная инженерия), так и для эмпирического подтверждения экономических теорий» (Там же). Так вместе с социализмом нас призывают похоронить и экономическую науку, заменив ее праксиологией, предсказания которой «носят исключительно качественный и теоретический характер и могут относиться, самое большое, к возникновению рассогласованности в общественной жизни вследствие институционального принуждения (интервенционизм и социализм) в отношении рынка» (Уэрта де Сото, 2007, с. 20).

Чрезмерное усердие «австрийцев» в борьбе за ограничение экономических функций государства в современной экономике может привести к обратному их целям результату: увеличению численности стихийных (неосознанных) сторонников социализма.

И, наконец, анализируя методологию «австрийцев», нельзя не отметить их патологическую неприязнь к применению математики в экономике, не позволяющую им увидеть, что использование экономико-математических моделей превратило экономику в истинную науку. Что представляло бы собой учение о рыночном механизме, не пройди оно путь от интуитивного описания Адама Смита через формальную модель общего экономического равновесия Вальраса к строгому доказательству теоремы Эрроу—Дебре? Л. фон Мизес раскритиковал подход Д. Бернулли к количественному измерению полезности в условиях неопределенности в то самое время (в конце 40-х гг. XX в.), когда его соотечественники Джон Нейман и Оскар Моргенштерн убедительно доказали эффективность такого подхода, и сегодня функция полезности Бернулли—Неймана—Моргенштерна стала неотъемлемым атрибутом любого учебника по теории принятия решений.

Источники

Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб., 2005.

Боннер У., Уиггин Э. Судный день американских финансов: мягкая депрессия XXI века. Челябинск, 2005.

Каценеленбаум Э. С. Учение о деньгах и кредите. М., 1927. Ч. II.

Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск, 2005.

Рикардо Д. Сочинения. М., 1955. Т. 2.

Туган-Барановский М. И. Бумажные деньги и металл. Пг., 1917.

Уэрта де Сото Х. Австрийская школа. Челябинск, 2007.

Mises L. Die allgemeine Teuerung im Lichte der theoretischen Nationalökonomie // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1913. Bd. 37.

Nasse E. Das venezianische Bankwesen im XIV, XV und XVI Jahrhundert // Jahrbuch für Nationalökonomik und Statistik. 1880. Bd. 34. S. 335—336.